

УДК 329.78

Внутрисоюзная демократия и «болезненные явления»: к вопросу свободомыслия в комсомоле 1920-х гг.

Р. В. Рыбаков

Омский государственный технический университет, г. Омск

Аннотация. В статье проводится анализ развития демократических тенденций в коммунистических организациях молодежи Сибири в 1920-е гг. Рассматривается процесс внутренней борьбы, развития свободы творчества и деятельности.

Ключевые слова: молодежь, молодежные организации, комсомол, история Сибири.

Вопрос внутрисоюзной демократии стал ключевым в процессе организационного становления комсомола. Его содержание было довольно сложным и включало в себя проблемы самостоятельности коммунистического движения и партийной опеки, централизующих начал в подчинении низовых ячеек областным и губернским комитетам, дисциплины, свободы мысли, слова, деятельности и т. д. Цель данной публикации – проанализировать процессы развития демократических тенденций и свободомыслия внутри комсомольских организаций Сибири в 1920-е гг.

Первые коммунистические союзы в Сибири стали возникать в конце 1919 г. Их активная деятельность развернулась сразу после освобождения территории края от войск адмирала Колчака. Местные организации комсомола создавались под руководством партийных комитетов и представителей политотделов частей Красной Армии, гораздо реже – по инициативе самой молодежи. Формы и методы работы ячеек РКСМ (Российский коммунистический союз молодежи) среди юношей и девушек в первое время действительно соответствовали главным задачам молодежных организаций – предоставляли возможность удовлетворять познавательные, образовательные, культурные, социально-экономические потребности. На организуемых митингах и собраниях звучали призывы к самоорганизации молодежи, повышению ее активности: «Больше споров, больше игр, больше самодеятельности», – требовали делегаты Первого сибирского совещания коммунистических союзов в мае 1920 г. [14]. В ответ на это из разных уголков Сибири в губернские комитеты шли приветственные телеграммы от новых ячеек, где, как правило, содержались просьбы прислать инструкции, средства для работы, материалы для спектаклей, бумагу, краски, ноты, музыкальные инструменты и пр. [10, л. 2–16].

Однако период организационного зарождения РКСМ проходил в условиях продолжающейся Гражданской войны, восстановления экономики, формирования новой системы власти. Поэтому союз вынужден был подстраиваться к выполнению «боевых задач», что выразилось в крайнем цен-

трализме, свертывании демократии в управлении, установлении всеобъемлющего руководства партией. Складывались и соответствующие методы практической работы, тяготеющие к системе боевых приказов сверху с их беспрекословным выполнением рядовыми членами. Устанавливалась железная дисциплина, а культурная и воспитательная работа, если она не имела политической окраски, сводилась к минимуму. Характерными чертами этого периода были мобилизация на фронт, командные курсы и выделение из членов РКСМ партийных работников, что в значительной мере сокращало актив и влекло разложение ячеек. Большая текучесть кадров приводила к тому, что на руководящие должности часто назначали людей, которые не обладали соответствующими способностями, навыками и знаниями. Если работа организации не удовлетворяла центральные комитеты, то происходили перевыборы уездных, городских, губернских бюро и руководителей ячеек. Как правило, в отчетах по этому поводу сообщалось, что после перевыборов «работа оживилась и вошла в правильное русло» [6, л. 195–196], и никогда не упоминалось о судьбах тех людей, которые лишились своих должностей.

В большинстве организаций действительно «смена власти» проходила мирно, но существовали и такие, где внутренняя борьба продолжалась достаточно продолжительное время, вплоть до вмешательства вышестоящих органов и партии. В этом смысле любопытна история, связанная с организацией Сибирского бюро РКСМ (Сиббюро). Для работы в Сибири ЦК комсомола и ЦК РКП(б) решили создать координирующий орган – Сиббюро. Для этих целей из Перми и Москвы в начале 1920 г. в Омск были направлены Ф. Ютт, И. Маврин, А. Мильчаков и еще 9 человек. По всей видимости, с подобной позицией не были согласны многие представители местного комсомольского движения, в частности руководители Омской губернской организации. В официальных отчетах позиция конфронтации не нашла отражения, однако в своих воспоминаниях А. И. Мильчаков отмечал: «Присланное в Омск из Москвы областное бюро РКСМ на месте признавать не хотели и много высказывали возражений против назначения» [1, с. 15]. Эту мысль подтверждает и тот факт, что некоторое время Омский губком отказывался работать с Сиббюро: не присылал отчеты, связь держал непосредственно с ЦК РКСМ.

В ноябре 1920 г. Сиббюро вынуждено было обратиться в ЦК РКСМ с заявлением о неподчинении ряда организаций и предложениями, касающимися дальнейшей работы. Виновником сложившейся ситуации в сообщении объявлялся именно Центральный Комитет. Сиббюро называло ненормальным, когда вся связь и руководство комсомольскими организациями Сибири осуществлялись через губернские отделы. И предупреждало о возможном развитии областнических тенденций, имеющих к этому благоприятную почву: «...ибо сам ЦК компрометирует работу своего областного центра». Выход из сложившейся ситуации бюро видело в установлении сибирского централизма: «Основой всякой руководящей работы является централизм, без этого нет руководящего органа, а есть надстройка, оторванная от непосредственно руководства массами молодежи» [9, л. 5–5 об.].

Непростая ситуация была и в Алтайской губернии. В своих воспоминаниях работник Алтайского губкома А. Мунгалов указывал, что к весне 1921 г. внутри алтайского актива чувствовались значительные трения. Со стороны некоторых работников проявилось недовольство линией местного руководящего органа, направленной на расширение аппарата. «Аппарат губкома разбух. При губкоме выделены были секретариаты по городским и уездным делам, усилилась приказная форма работы. На местах аппарат получил глубокое извращение. Бийский уездный комитет, во главе с секретарем тов. Худолеевым превратился в военный штаб, а комсомольцы все почти стали чекистами» [6, л. 290–291]. Внутри коллектива сформировались две группировки: одна – под руководством секретаря губкома Зинченко, другая, оппозиционная – под руководством Стробыкина и Арсенова. Склока внутри актива могла привести к губительным последствиям для алтайской организации. Оппозиционеры собирали тайные совещания, пытались создать партийную фракцию. Лишь вмешательство Сиббюро и очередное переизбрание губкома позволили избежать раскола комсомольского союза. Наиболее активные оппозиционеры из Алтайской организации были переведены на работу в другие регионы.

Свободомыслие молодежи проявилось в выходе из состава комсомола. Разочаровавшись в коммунистических организациях, молодежь их покидала. Масштабное сокращение комсомольских организаций началось с весны 1921 г. Причем в Сибири процент сокращения был выше, чем в среднем по стране. К июлю 1921 г. численность организаций сократилась до 32 288 членов, на 1 января 1922 г. численность составила 29 580 человек, на 1 мая 1922 г. – 19 982, на 1 декабря 1922 г. – 17 100 [7, л. 1–8]. Добровольный выход был обусловлен разными причинами. Для многих комсомол оказался совершенно не той организацией, о которой они мечтали. Если на первом этапе комсомольские объединения мало чем отличались от других: ставились спектакли, организовывались праздники, вечерки, то очень скоро увлеченность юношей и девушек культурно-просветительной деятельностью была признана неправильной. Комсомольцы узнавали, что они должны записываться добровольцами на фронт, участвовать в субботниках, в сборе средств в помощь голодающим, агитировать за добровольное выполнение разверстки и т. п. Отказаться от традиционного для села досуга – вечерних гуляний с гармошкой, танцев, употребления спиртных напитков, было еще сложнее. Проводимая экономическая политика по отношению к крестьянским хозяйствам заставила усомниться молодое поколение в правильности предпринимаемых властью действий. Сказывались влияние родителей (запрещающих участвовать в комсомольских делах), трудное материальное положение, маленький паек, а также порой женитьба. Так, члены Лапинской организации РКСМ Тюкалинского уезда Омской области в количестве 14 человек выписались из союза, говоря: «Лучше кататься с женой на катушке» [12].

Ужесточалась дисциплина, основным занятием стала политическая грамота. «Политическая работа в наших союзах – это основа, на которой строится все остальное, иначе наши организации по существу не будут ничем отличаться от хорошо поставленных культурок. Без нее союз теряет свою классо-

вую физиономию, члены его в своих взглядах на жизнь непостоянны. Совершающиеся события политической жизни перестают интересовать молодежь, и постепенно она приближается к уровню обывателя, который кроме требований своего желудка ничего не знает и не хочет знать» [13]. Постановлением Всероссийского совещания РКСМ все члены союза должны были к июлю изучить программу и устав союза. Для Сибири этот срок увеличивался на месяц – к 1 августа 1921 г. [5, л. 3].

Характеризуя работу комсомола в начале 1920-х гг., один из лидеров Иркутской губернской организации Прокопий Пилипенко отмечал ее следующие недостатки: «искусственное насаждение сотен и тысяч новых ячеек; втягивание широких слоев интеллигенции и учащейся молодежи, что порождает отрыв от масс; бюрократизм; разбухание союзного аппарата; писание циркуляров; отсутствие почвы для самодеятельности, проявления инициативы в своей организации; опекуновство руководящих органов; отсутствие живого коллективного на основе самодеятельности творчества первичной ячейки союза; обязательное посещение частных шаблонных собраний, “союзных дней”, являвшихся обузой с психологической стороны, не отвечающих возрастным и внутренним запросам молодежи, разлагающе действующих на членов союза». Любопытно, что одну из главных причин нарушения принципов демократии и внутреннего разложения ячеек автор видел в платных работниках: «Установившиеся обычаи работников, обслуживающих союз, содержать платными, что в свое время было вызвано объективными условиями военного периода классовой борьбы, а в настоящее время принявшего извращенные формы от ЦК до ячейки, уничтожают всякое желание у не платных членов союза даже бывших ответственных работников юношеского движения проявлять свою инициативу» [3, л. 157–159].

Особенностью этого периода стало появление в отчетах РКСМ графы «Борьба с болезненными явлениями». Сюда попадали действия ячеек по борьбе с курением, пьянством, хулиганством, а также вопросы «упаднического настроения», внутренних склок, несогласия с проводимой политикой, непосещения собраний, сокращения численности ячеек и пр. В докладе об общем состоянии комсомольских организаций в Иркутской губернии в начале 1925 г. отмечалось следующее: «Наблюдается незначительный отход рабочей молодежи из состава комячеек в силу неудовлетворенности воспитательной и экономической работой. Из-за этого в организациях стали проявляться болезненные явления: пьянство и хулиганство...» [4, л. 41]. Среди методов решения проблемы назывались товарищеские беседы и исключения, а также некоторые утешались тем, что якобы «пьет только 1903 г., который уйдет в армию и пьянство сократится» [Там же].

Вопрос внутренней демократии коммунистических союзов обсуждался на пленуме ЦК РКСМ в 1924 г. На нем было признано, что старый курс, проводимый среди молодежи, не соответствует требованиям времени. По мнению его участников, политическое просвещение, культурный рост, расширение сферы влияния комсомола на государственные и общественные органы, а также беспартийные массы неизбежно привели к росту самодеятельности

всех его членов. Поэтому пассивное восприятие, послушное исполнение должны были замениться активным участием в работе. На основе этих решений Сиббюро сформулировало главные направления своей деятельности: культурное развитие и стремление к сознательной политической жизни как комсомольца, так и беспартийной молодежи, укрепление руководства партией, усиление рабочего ядра, повышение самостоятельности и работоспособности ячеек и рядовых членов, изменение методов и характера руководства союзом и массами рабоче-крестьянской, учащейся молодежи [8, л. 22].

Декларируемые принципы и перечисленные способы оживления внутренней демократии, к сожалению, не позволили новому курсу сделать действительно решающий шаг в изменении работы комсомола. В то же время некоторые попытки оживления ячейковой работы в губерниях были предприняты. В начале 1924 г. Иркутская губернская организация призвала все местные комитеты РКСМ провести дискуссию по очередным задачам союза на основе резолюции ЦК. В частности, предполагалось проработать следующие вопросы: общественно-политическое воспитание молодежи, инициатива и самостоятельность масс, союзный аппарат, задача его освежения новыми кадрами, постановка массовой работы и связь с беспартийной рабоче-крестьянской молодежью, работа в деревне [4, л. 17–18].

В качестве мероприятий по развитию внутренней демократии предлагалось:

1) систематическое освещение всех вопросов комсомольской работы и привлечение к их обсуждению всей комсомольской массы. В первую очередь выдвигать те вопросы, которые затрагивают интересы молодежи (труд и образование, культурная работа, рационализация производства и сельского хозяйства);

2) правильное распределение союзных обязанностей в ячейках между всеми комсомольцами. Решительная борьба с формальной нагрузкой. Выполнение лозунга «Нет комсомольца без союзных обязанностей!»

3) обеспечение действительной выборности самой массой комсомольцев бюро ячеек и представителей в различные организации, недопущение выдвижения кандидатов от имени бюро ячейки и выставления списков [2, л. 36].

Очередной Иркутский губернский съезд в 1926 г. констатировал, что в результате более решительного проведения принципов внутрисоюзной демократии имеется достаточный рост активности широких слоев членов РКСМ [2, л. 24]. Однако, как показали последующие события, кардинального изменения не произошло. И в 1926 г., и в 1928 г. комсомол возвращался к этой проблеме, делались призывы мобилизовать творчество, самостоятельность комсомольских масс. Из 20-х гг. эта проблема плавно перешла в 30-е. И здесь как нельзя лучше подходят слова В. К. Криворученко: «Как часть общества комсомол не мог не воспринимать, не реализовать в своей структуре командно-административную систему. Централизация вытесняла демократизм из союза, ограничивала инициативу, творчество, самостоятельность комсомольцев и их организаций. Достиг апогея разрыв между словом и делом. В документах провозглашалась демократизация всех сторон комсомольской жизни, но на практике все было наоборот» [11].

Список литературы

1. Годы наши комсомольские: из воспоминаний омских комсомольцев 20-х годов. – Омск : Омск. гор. комитет. Обл. краевед. музей, 1958. – 66 с.
2. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 249.
3. ГАНИИО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 273.
4. ГАНИИО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 278.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П-187. Оп. 1. Д. 28.
6. ГАОНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 118.
7. ГАОНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 204.
8. ГАОНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 301.
9. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 14.
10. ГИАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 43.
11. *Криворученко В. К.* Внутрисоюзная демократия в ВЛКСМ в 1920–30-х гг.: слова и дела [Электронный ресурс] // Информац. гуманитар. портал «Знание. Понимание. Умение». – 2008. – № 6. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Krivoguchenko>.
12. Наш край. – Тара. – 1921. – 8 марта.
13. Сов. Сибирь. – 1920. – 27 апр.
14. Сов. Сибирь. – 1920. – 5 июня.

Intercommunity Democracy and "Painful Events": on Free-Thinking in Komsomol in the 1920s

R. V. Rybakov

Omsk State Technical University, Omsk

Abstract. The article analyzes the development of democratic tendencies in the Communist youth organizations in Siberia in 1920s. The process of internal fight, the development of freedom of creativity and activity are considered.

Keywords: youth, youth organizations, Komsomol, history of Siberia.

Рыбаков Роман Валерьевич
кандидат исторических наук, доцент
Омский государственный
технический университет
644046, г. Омск, 16 военный городок,
414–32
тел.: 8(3812)65-23-08
e-mail: roman-rybakov@mail.ru

Rybakov Roman Valerievich
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor
Omsk State Technical University
32-414, cantonment 16,
Omsk, 644046
tel.: 8(3812)65-23-08
e-mail: roman-rybakov@mail.ru